

Ирина Ю. Смирнова

Митрополит Филарет и англикане-православный диалог : к истории межконфессиональных связей

Przegląd Wschodnioeuropejski 6/2, 27-39

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ИРИНА Ю. СМИРНОВА
Институт российской истории РАН

МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ И АНГЛИКАНО- ПРАВОСЛАВНЫЙ ДИАЛОГ: К ИСТОРИИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ¹

Metropolitan of Moscow Philaret (Drozdov) and the Anglican-Orthodox interaction: from the History of the interconfessional connections

Ключевые слова: Святейший Синод, Англиканская Церковь, межконфессиональные связи, оксфордское движение, протестантизм, миссионерство

Keywords: The Sacred Governing Synod, the Anglican Church, Interconfessional Connections, Protestantism, Missionary Work

ABSTRACT: The development of the interconfessional communications between the Russian Orthodox Church and the Anglican Church is tracked. The evolution of the confessional relations is investigated on the example of contacts of the British missionaries, theologians, historians, politicians with the Metropolitan of Moscow Philaret (Drozdov; 1782–1867), who played a key role in the Church diplomacy of XIX c. For the 10-60th of the XIX century with his participation the main criteria of Orthodox and Anglican intercommunion were formulated, activity of the Russian foreign clergy with the representatives of English and American Anglican Churches was coordinated. Studying of interconfessional communications was carried out on the basis of new archival materials, taking into account a factor of foreign policy of the great powers in the Near and Far East. The research of the historical experience of the contacts of the Russian Orthodox Church with the Church of England and the American Episcopal Church is of special interest for understanding of processes of formation of the religious relations in the modern world.

Процесс развития англикано-православных отношений неоднократно привлекал внимание российских и зарубежных историков и богословов, поскольку центральным вектором межконфессионального диалога XIX в. был вопрос о восстановлении церковного единства между двумя христианскими конфессиями – православной и англиканской. В британской

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-61-01000 а/П.

историографии существует обширный пласт мемуарных, эпистолярных и автобиографических источников, которые отражают процесс формирования и развития англо-русских церковных контактов на протяжении XIX в., и во многих из них упоминается имя митрополита Московского Филарета (Дроздова 1782–1867), одного из наиболее авторитетных и влиятельных представителей российской иерархии XIX в. (Grellet 1862; Palmer 1882; Pincerton 1833). Это не удивительно, поскольку он оказался у истоков нового раунда переговоров о воссоединении Православной и Англиканской Церквей, возобновившихся по инициативе англиканских богословов в первой половине XIX в., более чем сто лет спустя после первой попытки, предпринятой англиканскими епископами в XVIII в. При этом участие митрополита Филарета в межконфессиональных отношениях до настоящего времени крайне недостаточно освещено в отечественной и зарубежной историографии. Между тем, благодаря сохранившимся дневникам, отчетам, письмам и мемуарам, можно составить представление о том круге вопросов, которые поднимались представителями англиканского духовенства при встречах с московским святителем, что позволяет проследить на протяжении почти пятидесяти лет процесс развития межконфессиональных контактов Русской Православной Церкви и Англиканской Церкви².

Первые контакты святителя Филарета с британскими миссионерами, были связаны с деятельностью Российского библейского общества, которое было учреждено в 1813 г. и обязано своим возникновением инициативе британских миссионеров. Они тесно общались с Филаретом, бывшим тогда ректором Санкт-Петербургской духовной академии, а в 1833 г. в Лондоне вышла книга Пинкертона под названием «Россия, или разносторонние наблюдения за прошлым и настоящим состоянием этой страны и ее жителей», где много внимания уделено митрополитам Московским Платону (Левшину) и Филарету (Дроздову). При этом и Платон и Филарет представлены как иерархи, разделяющие протестантские убеждения – по видимому, Пинкертон, желая познакомить британское общество с наиболее яркими и авторитетными русскими иерархами, вольно или невольно пытался представить митрополита Платона, а также наиболее авторитетного его воспитанника Филарета в выгодном для церковной Англии свете.

Так, благодаря Пинкертону, в Великобритании стало известно о влиятельности и авторитете Филарета Московского, при этом неумеренные похвалы его толерантности искажали истинный образ

---

² Речь идет о контактах с представителями Церкви Англии, Епископальной Американской Церкви, а также Шотландской Церкви.

святителя и вводили в заблуждение тех, кому впоследствии предстояло иметь с ним дело по тем или иным церковным вопросам. И первым среди них следует назвать члена одного из старейших колледжей Оксфорда Марии Магдалины диакона Англиканской Церкви Вильяма Пальмера, сыгравшего заметную роль в установлении первых контактов православного и англиканского духовенства. В церковной литературе его называют «пионером православно-англиканского диалога», однако это не совсем справедливо, поскольку начало переговорам о сближении двух Церквей – Православной и Англиканской – было положено при Петре Великом. Но после более чем векового перерыва Пальмер стал действительно первым. В области богословских исследований, в том числе в России, Пальмер поднял целый ряд канонических и историко-литургических вопросов, касавшихся различий в установлениях Церквей, условий перехода в православие, разницы в обрядах и др.

Пальмер приезжал в России дважды – в 1840/41 и в 1842/43 гг. Вслед за ним и по его рекомендации в 1844/45 гг. к Филарету приезжал англиканский пастор Джордж Вильямс, в то время каноник в Кронштадт, вернувшийся в 1843 г. из Иерусалима, где провел два года в составе англо-прусской духовной миссии. Митрополит Филарет оказал ему существенную помощь в редактировании иерусалимских проповедей, изданных в 1845 г. В письме к А.Н. Муравьеву Вильямс писал:

Я никогда не забуду его великую доброту и, как и Пальмер, буду глубоко хранить самые добрые о нем воспоминания. Молю Вас выразить Его Высокопреосвященству заверение моего глубокого уважения и признательности за его незаслуженное расположение и благосклонность (Вильямс 1845, 10).

Не менее важными были контакты с другими представителями Английской Церкви – Э. Лау, Р.У. Блэкмором, Дж. Нилем и др. Капеллан Русской Компании в Петербурге Блэкмор немало потрудился для того, чтобы познакомить англоязычный мир с учением Русской Православной Церкви – он перевел на английский язык Катихизис митрополита Филарета, а также сочинение Муравьева «История Российской Церкви», составил жизнеописания святителей Димитрия Ростовского, Патриарха Никона, митрополита Михаила (Десницкого). Значение собеседований митрополита Филарета для оксфордских и кембриджских ученых выразилось, в частности, в том, что Ниль посвятил ему ряд своих сочинений – переводы на английский язык тропарей и кондаков свв. Иоанна Дамаскина, Космы, Феофана (1860), книгу «Опыты литургики и церковной истории» (1863) и др. Продолжался и довольно оживленный обмен полемическими

сочинениями англиканских богословов. Так, в письме от 2 июля 1849 г. протоиерей Евгений Попов сообщал Муравьеву, что генеральный консул в Лондоне Е.И. Кремер переслал ему посылку от д-ра Лау, с которой о. Евгений отправил в Петербург брошюру Пальмера «An Appeal to the Scottish Church». «Книга эта, – писал русский протоиерей, – как будто нарочно выжидала подобного случая. Когда, быть может, Вы будете ее перелистывать, в то время [в Эдинбурге] будут произносить над ней приговор» (Попов 1849, 1–1об.).

Все эти неофициальные контакты отражают возрастание интереса англиканских богословов и историков к России и Русской Церкви, а если брать шире, то ко Греко-Восточному Православию и истории Вселенской Церкви в целом. Но особенно участились визиты англиканских гостей в 60-е гг. XIX в. В 1860-м году снова приезжал Вильямс с предложением отправлять русских студентов в Кембридж для получения образования в специально открытом колледже (ответным шагом было открытие классов английского языка и истории Англии и Англиканской Церкви в Московской духовной академии). В 1864 г. митрополита Филарета посетил американский пастор Юнг для выяснения позиции святителя по вопросу об англиканско-православном сближении. В 1866 г. в Москву для встречи с Филаретом приехал примас Шотландской Церкви епископ Роберт (Иден). Его визит не был официальным – епископ был в Петербурге для конфирмации членов англиканской общины, но желая увидеть знаменитого архипастыря, посетил его в Москве, после чего составил отчет с подробным описанием их беседы. В числе последних гостей из Великобритании, оказались представители Оксфордского университета – каноник Генри Парри Лиддон и его спутник Чарльз Латуидж Доджсон, известный под псевдонимом Льюис Кэрролл. В августе 1867 г. эти члены Крайст-Черч Колледжа стали участниками юбилейных торжеств, посвященных пятидесятилетию архиерейского служения святителя Филарета.

Все перечисленные лица внесли свою лепту в развитие англиканско-православного диалога, главной целью которого, по мнению англиканской стороны, было получение признания со стороны Православной Церкви кафоличности Англиканской Церкви, которую англиканские богословы представляли как одну из ветвей древней неразделенной Церкви. Этот вопрос на протяжении более полутора столетий был предметом исследования историков и богословов России, Великобритании и США. Между тем, в настоящей статье мне хотелось представить иной аспект данного вопроса, который обычно не принимается во внимание, – показать тесную связь межконфессиональных отношений с внешнеполитической проблематикой.

Пинкертон, посетив в 1819 г. ряд государств южной Европы, отправился в Грецию, Архипелаг и Константинополь (Пыпин 2000, 71). На Православном Востоке ему удалось заинтересовать греческих иерархов целями Библейского общества, и несколько месяцев он занимался устройством новых филиалов в Корфу, Кефалонии, Афинах. Воспоминания, опубликованные Пинкертоном, свидетельствуют о том, что представители Британского библейского общества преследовали преимущественно прозелитические задачи «перевоспитания» и «просвещения» русского народа. Так, при описании красного угла псковской крестьянской избы, Пинкертон писал:

Как прискорбно сознавать, что этот красный угол, этот семейный алтарь часто оказывается для грубых и невежественных крестьян (лишь некоторые из которых умеют читать) немногим лучше капища идолов! Увы, иное им неведомо! Когда же я имел удовольствие лицезреть Библию на деревянной полке, посреди святых ликов, и слышать, как обитатели избы с волнением расспрашивали о ее содержании одного из своих грамотных сородичей, то я понял, что истинное противоядие злу теперь обеспечено (Беляев 2011, 28, 30).

Надо полагать, что подобные иллюстрации должны были подчеркивать в глазах соотечественников Пинкертона актуальность британского миссионерства среди «невежественного» населения России: «Что, кроме света божественного откровения, способно рассеять эту языческую тьму и указать жителям современной Плесковии единственный объект поклонения, единственного Посредника между Богом и человеком!» (Беляев 2011, 41–42). Но если вопросы образования и нашли одобрение и поддержку в правящих светских и церковных кругах, то прозелитическая направленность работы миссионеров стала одной из причин закрытия в 1824 г. Российского библейского общества. Следует признать и тот факт, что свою миссионерскую работу англичане из Британского библейского общества начинали «в зоне повышенной опасности», то есть там, где в скором времени возникали военные конфликты и восстания, оказывавшиеся в фокусе общеевропейского, в том числе британского дипломатического внимания.

Возникает целый ряд вопросов и в случае Пальмера, если рассматривать его миссию в контексте Восточного вопроса. Духовные поиски англиканского диакона, проявление его интереса к Русской Церкви приходится на один из решающих моментов в истории дипломатии XIX в. – период европейского политического кризиса, вызванного обострением Восточного вопроса. Предприятию Пальмера предшествовали целый ряд событий общеевропейского масштаба, обещавших повлечь за собой

серьезные перемены, – восшествие на трон королевы Виктории (июнь 1838 г.), активизация политики Римского престола, расширявшего сферу своего влияния в Европе и Святой Земле, охлаждение «сердечного соглашения» между Англией и Францией, приход к власти Абдул-Меджида I, шестнадцатилетнего сына султана Махмуда II, оказавшегося под контролем и влиянием британских дипломатов. Начиналась эпоха новых альянсов, новой дипломатии.

Пальмер выехал из Лондона в конце августа 1840 г., сразу после заключения там первой Лондонской конвенции, вторая поездка в Россию совершилась в 1841/42 г., после заключения второй Лондонской конвенции. Совершенно очевидно, что Пальмер, намереваясь отправиться в Россию, соизмерял свои планы с политическими реалиями. Между прочим, активные выступления Пальмера против отправления в Иерусалим первого протестантского епископа, привлекло к этому вопросу внимание не только российских МИД и Синода, но и самого императора, после чего в Святую Землю был командирован архимандрит Порфирий (Успенский), с которым, кстати сказать, Пальмер успел повстречаться до его отъезда в Иерусалим в 1843 г.

В 1840 г. Пальмер приехал в Россию добиваться у Св. Синода признания Англиканской Церкви в качестве одной из ветвей единой Церкви со своими исторически сложившимися особенностями и потому настаивал на принятии его в церковное общение без оставления Англиканской. Усилия Пальмера не имели успеха. Как пояснял позже митрополит Филарет, «дело не получило желаемого окончания, потому что диакон Пальмер хотел принадлежать в одно время к двум неединомысленным в вере Церквам» (Филарет 1862, 44об.).

Отказ Синода дал повод известному историку и богослову Н.М. Зернову критиковать русских иерархов и обвинять их неуступчивости. Он называл Пальмера «верным другом православия и русского народа, исповедовавшим православную веру во всей ее полноте, [...] который первым начал стучать в наглухо замкнутую дверь Русского Православия» (Зернов 1938, 83). Фактически обвиняя российских иерархов в отказе принять Пальмера в церковное общение на его условиях, Зернов при этом не говорит об абсурдности его требований, хотя трудно представить, что известный в Англии церковный деятель и богослов не знал о том, каковы могли быть последствия подобного компромисса. Не упоминает Зернов и об отказе Пальмеру со стороны восточных иерархов.

Пальмеру неоднократно объясняли, что принятие его в православие без отказа от учения Англиканской Церкви невозможно, что, кроме того, этот шаг со стороны Русской Церкви может иметь не только церковный, но и политический резонанс как на Православном Востоке, так и на Западе, но

английского богослова нисколько не смущали рефреном звучавшие высказывания церковных и светских лиц. Более того, похоже, что его главным образом занимали именно разногласия между Греческой и Русской Церквями. Также настойчиво он будет акцентировать внимание на расхождениях в чине воссоединения инославных христиан с православием, когда в 1850 г., то есть в самый разгар вопроса о святых местах, приедет в Константинополь и в Святую Землю. Там он провел, с небольшим перерывом, около двух лет – встречался с восточными иерархами, путешествовал, работал над книгой – и год спустя опубликовал в Афинах памфлет о разностях в обрядах Русской и Греческой Православных Церквей, где во главу угла был поставлен вопрос о различиях при принятии в православие из других конфессий.

Пальмера пытался остановить Муравьев, который откровенно писал о возможных последствиях возбуждения вопроса о перекрещивании:

Положа руку на сердце, подумайте хорошо о том, что Вы делаете. На самом ли деле в поисках правды и желании объединения Вы переворачиваете небо и землю, пересекая моря и дальние страны? Нет, простой неверующий, [...] Вы необдуманно хотите создать предмет ссоры между двумя Церквями, объединенными между собой и которые не обсуждают этот вопрос, потому что они считают его предметом дисциплины, а не догмы! (Муравьев 1850, 9–10).

Но никакие увещания и ничья отповедь не могли остановить «научных занятий» Пальмера. Поднятый им вопрос был взят на вооружение британским послом в Константинополе сэром Стрэтфордом Каннингом, тем самым, которого Николай I самым решительным образом отказался видеть в качестве посла в Петербурге. Дипломатия Каннинга и его влияние на Порту привело к развертыванию Крымской войны – не случайно академик Е.В. Тарле называл его «энергичнейшим и умнейшим из дипломатических врагов Николая» (Тарле 2003, 177). С подачи Пальмера Каннинг настоятельно призывал Вселенского Патриарха «к разъединению Греко-Восточной Церкви с Российской, оказавшеюся будто бы неверною преданиям православия» (Неклюдов 1858, 95–95об.). Как свидетельствовал старший советник российского МИД барон А.Г. Жомини, Патриарх Анфим IV «с твердостью отклонил» настояния Каннинга, но вскоре вынужден был оставить Константинопольскую кафедру (Zhomini 1882, 451). В 1850 г. после поездки Пальмера на Афон посол Великобритании лично отправился туда, чтобы убедиться, действительно ли афонские монахи хранят при монастырях оружие (Смирнова 2013, 116).

Барон Жомини считал, что «английский агент по имени Пальмер, хорошо осведомленный в религиозных вопросах, был послан для изучения

догматических расхождений, чтобы показать, что Российская Церковь отступила от канонов греческого православия» (Zhomini 1882, 451). Но каково бы ни было отношение к Пальмеру – как к британскому агенту, как считают историки дипломатии или как к «светлой личности», о чем пишут церковные историки (Сухова 2010, 96), очевидно одно – его действия соответствовали курсу внешней политики лорда Пальмерстона и Стрэтфорда Каннинга, а отнюдь не России и Русской Церкви, о соединении с которой он столько лет говорил и писал.

Джордж Вильямс, сторонник оксфордского движения, познакомившийся с митрополитом Филаретом благодаря рекомендации Пальмера, сделал сближение двух Церквей – Православной и Англиканской – делом своей жизни. Будучи клириком англикано-протестантской епископии в Иерусалиме, он решительно выступал против протестантского прозелитизма в Святой Земле. Следует отметить, что после Крымской войны, на фоне широких реформ правительства Александра II, существенно затронувших различные внутренние и внешние стороны жизни Русской Церкви, активизируются попытки межконфессионального диалога и сближения с протестантскими Церквями и номинациями, прежде всего, с представителями Англиканской Церкви. Если прежние контакты носили спорадический характер и не приводили к серьезным, взаимно интересным дискуссиям, то в 60-е годы XIX в. представители Англиканской Церкви выступили с отчетливо выраженной инициативой о начале последовательных переговоров о возможном сближении Церквей.

Вильямс был одним из инициаторов учреждения Комитета по вопросу о сближении с Восточной Церковью, созданного на конвокации в Лондоне в 1863 г. на год позже, чем в США, а также Ассоциации Восточных Церквей, учрежденной в 1864 г. с целью взаимного ознакомления с учением обеих Церквей. Деятельность Комитета и Ассоциации стала объектом пристального внимания ведущих английских богословов и политиков. Не меньший интерес вопрос о воссоединении Церквей вызывал и в России. Сохранилось свидетельство Мунтстуарта Элфинстоуна Грант Даффа, члена британского Парламента, побывавшего в России зимой 1863 г. и посетившего митрополита Филарета. В своей книге «*Studies in European Politics*» Грант Дафф отметил, что его повсеместно спрашивали о предполагаемом соединении Церквей: «Каждый раз, когда англичанина представляют русскому священнику любого ранга, он услышит некоторые светские вещи о возможном будущем союзе двух Церквей». Политик вынужден был признать, что «мечты, которые когда-то лелеял Пальмер, до сих пор живы в Англии и Америке» (Grant Duff 1866, 101).

Примас Шотландской Церкви Роберт (Иден) по тому же поводу писал: «Я был и удивлен и рад узнать, что молодые студенты проявляли большой

интерес к вопросу соединения Церквей; тот же интерес, как я впоследствии узнал, имел место в Духовной Академии в Троице... Было бы обнадеживающим и приятным знамением времени обнаружить схожий интерес к данному предмету у студентов наших собственных университетов Оксфорда и Кембриджа и в университетах Шотландии». Со своей стороны, епископ, как член Ассоциации, подчеркивал необходимость «составить справедливое мнение о том, чего действительно придерживается и чему учит каждая из Церквей» (Eden 1867, 2).

Не осталось в стороне от проблематики, поднятой в начале 60-х гг. XIX в. и высшее духовенство Американской Епископальной Церкви. Характерно, что вопрос о соединении Церквей был поставлен в Северо-Американских Соединенных Штатах на повестку дня из опасения, что в Сан-Франциско, где находилась большая православная колония, будет прислан русский епископ, или как сказано в решении конвокации, «не замедлит явиться и русский епископ, и, следовательно, тогда, так или иначе, должна будет пострадать юрисдикция епископа Калифорнии» (Попов 1863, 7об.-8). Это опасение послужило поводом к началу широкого религиозного движения среди американского духовенства по вопросу о соединении с Русской Православной Церковью.

Чтобы избежать присутствия русского духовенства, американские епископы на очередном собрании Конвокации в октябре 1862 г. предложили начать переговоры о признании Американской Церкви ортодоксальной, чтобы американские священники могли причащать, крестить, венчать православных в Америке, а православные священники – американцев, находящихся на Дальнем Востоке. Как писал один из членов американского комитета: «Там, на берегу и на волнах Тихого океана, в случае общения Церквей, ... рука православного иерея стала бы преподавать христианское предсмертное утешение сынам Америки, застигнутым житейскими и морскими бурями, а рука находящегося с ним в общении епископального священника подавала бы то же утешение сынам России, волей-неволей отторгшихся от берегов своей Православной Руси» (Попов 1863, 8). В 1864 г. в Россию прибыл пастор Юнг, делегированный американским Греко-Российским Комитетом. Но еще в 1830-е гг. англиканские миссионеры, работавшие на Ближнем Востоке и на Балканах и убеждавшие Восточных Патриархов в том, что Американская Епископальная Церковь якобы тождественна Православной, получали от греческих иерархов разрешение на устройство школ для обучения местных православных арабов или славян, где они внушали учащимся основы протестантизма.

Таким образом, можно видеть, что, казалось бы, сугубо богословский вопрос о возможности объединения Церквей, имел и политический аспект.

Не случайно большой интерес к нему проявляли такие лица как принц Уэльский, премьер-министр Великобритании Гладстон, члены Российской Императорской Фамилии. Российский посланник в Бельгии князь Н.А. Орлов говорил «о готовности Английской Церкви принять православие» и утверждал, «что Гладстон видит в этом политическую пользу: Франция Наполеона покровительствует католицизму римскому и содействует так его успеху, что мы на Востоке на всех пунктах поражены; но англичане, единые с нами по вере, действуя с нами совокупно, надеются на успех и преобладание» (Леонид 1908, 2048). Когда митрополиту Филарету передали слова Гладстона, «что это мысль великая и что она придет в исполнение», и что принц Уэльский восхищен ею, он прокомментировал ожидания англичан следующим образом: «Я думаю, что хорош мир и союз о Христе, но что англичане в союзе церковном с нами для себя в политическом отношении сделают много, а нас обманут» (Леонид 1908, 2010). Другими словами, святитель не исключал возможности, что Англия и Америка воспользуются доверием восточных иерархов и, получив карт-бланш на церковные программы в турецких вилайетах, будут способствовать вытеснению России из сферы своего влияния в ближневосточном регионе, лишив православные народы Турецкого Востока ее покровительства.

С другой стороны, вопрос о воссоединении Церквей далеко не всеми воспринимался как первостепенный для Англиканской Церкви. Русские священники, посещавшие собрания Греко-Российского Комитета и Ассоциации Восточных Церквей, отмечали, что члены Ассоциации весьма пассивно относились к перспективе церковного воссоединения (Васильев 1865, 167–208). Высказывались сомнения и в среде оксфордских богословов, благосклонно относившихся к намечаемому сближению. Так, Лиддон, критикуя позицию Гладстона, отмечал, что тот в своем увлечении Греческим Востоком «преувеличивает греческую составляющую в современной европейской жизни». «Мы, жители Запада, – писал Лиддон епископу Гамильтону, – гораздо ближе к римлянам нежели к грекам по нашему менталитету и действиям» (Johnston 1904, 99).

Существовала оппозиция Гладстону по вопросу воссоединения Церквей и в Парламенте. Так, Грант Дафф полагал, что у англичан «есть чем заняться, кроме заигрываний с Восточной Церковью» (Grant Duff 1866, 101–102). Но и при личной нерасположенности к идее воссоединения, Грант Дафф отмечает позитивные стороны взаимного знакомства: «И тем не менее, – говорится в его книге, – эти люди делают много хорошего. Они умножают личные отношения между Англией и Россией, они увеличивают добрую волю и толерантность путем увеличения знания, которое является источником того и другого» (Grant Duff 1866, 102–103). Здесь заметно влияние митрополита Филарета, которого Грант Дафф посетил в 1863 г. Но

чувство «величайшего уважения» и даже уверенность, что «в политическом плане Англия и Россия только приобретут и ничего не потеряют, познакомившись друг с другом поближе», не избавили политика от изрядной доли скепсиса – он остался при убеждении, что «их усилия вовсе не возымеют прямых последствий до тех пор, пока не воссияет заря всеобщего примирения христиан, которое удалено от нас на столетия и наступит лишь в те времена, о которых мы не имеем представления» (Grant Duff 1866, 102).

Митрополит Филарет, лучше других понимавший политические виды Великобритании и Соединенных Штатов, считал нужным продолжать работу над изучением догматического учения Англиканской Церкви. Им был определен круг первоочередных вопросов – о преемстве англиканского духовенства, о согласовании 39 статей англиканского вероисповедания и православных канонов, об условиях принятия в православие англиканского духовенства и мирян. Понимая, что из политических соображений желанное воссоединение Церквей все еще остается делом будущего, митрополит Филарет придавал большое значение образовательным программам, нацеленным на взаимное ознакомление с церковным вероучением каждой Церкви, вопрос о постановке образования в Оксфорде и в России был одним из тех, которые обсуждались во время визита к святителю Лиддона и Доджсона в августе 1867 г., за три месяца до кончины Филарета. Так, митрополит Филарет спрашивал, «остался ли Оксфордский университет христианским или он был лишен своего религиозного характера», что потребовало от Лиддона «длительного разъяснения позиции антирелигиозных либералов» (Johnston 1904, 105).

Надо отметить, что знакомство с церковной жизнью в России произвело на путешественников незабываемое впечатление. Лиддон писал о Русской Церкви: «Хороша она или нет, можно спорить, но эта Церковь представляет собой обширный, энергичный, мощный организм, владеющий самым сердцем крупнейшей из европейских империй, обладающий в пределах России силой, аналога которой в моральном смысле на Западе не существует» (Johnston 1904, 102). Два наблюдения особенно впечатлили оксфордских гостей – это «количество монастырей и огромное влияние Церкви на людей». По свидетельству Лиддона, «ощущение Божественного сверхъестественного присутствия пронизывает русскую жизнь гораздо более полно, чем жизнь любой западной страны» (Johnston 1904, 105).

В письме к Вальтеру Керру Гамильтону, епископу Солсберийскому, Лиддон поделился своими наблюдениями при посещении митрополита Филарета: «Его жизнь основана на воздержании и строгости, которые вряд ли где-либо найдешь в Англии. Но именно это и обеспечивает неогра-

ниченное влияние Церкви на народ. Ничего подобного я на Западе не наблюдал, за исключением Тироля» (Johnston 1904, 105). От внимания Лиддона не укрылись также различия в проявлении веры в России и в Англии, и в письме к Брайту он описал случаи, свидетелями которых оказались они с Доджсоном:

Сегодня утром, по окончании литургии в Успенском соборе епископа Леонида чуть не задавила толпа людей, желающих получить его благословение. И так бывает всегда. Когда он возил нас в Троицк и мы оказались на платформе в Москве, к нему поспешила толпа самых разных людей: носильщиков, машинистов паровозов, извозчиков, чтобы поцеловать ему руку. В Англии это было бы возможно только если бы отец Пибоди разбросал шиллинги и шестипенсовые монеты на станции Дидкот. Этот народ глубоко верует в благословение, которое дает Христос в Его Церкви; хотя, конечно, есть некоторые черты в их выражении веры, которые кажутся нам очень странными (Johnston 1904, 108).

Не менее яркие впечатления от поездки в Россию остались и у Доджсона (Кэрролл 2013). Надо полагать, встреча с Филаретом для обоих оксфордских ученых стала столь же памятной, как для многих их соотечественников.

Приведенные факты позволяют проследить развитие межконфессиональных отношений на протяжении так называемой «филаретовской эпохи» и свидетельствуют о центральной роли Филарета Московского в налаживании прямых контактов между Русской Православной и Англиканской Церквями. Выступая в качестве авторитетного эксперта по вопросу присоединения к православию членов иноконфессиональных Церквей, святитель Филарет твердо стоял на позиции строгого соблюдения церковных правил в соответствии с деяниями Вселенских Соборов и Соборов Православных Поместных Церквей. Начатое при его непосредственном участии и под его руководством исследование основных догматических статей англиканского вероучения на предмет их соответствия канонам неразделенной Церкви способствовало росту взаимопонимания между представителями двух конфессий, а предложенные Филаретом критерии православно-англиканского церковного сближения остаются в силе и сегодня.

Библиография

- Eden, R., Bishop (1867), *Impressions of a Recent Visit to Russia, a Letter addressed to Chancellor Massingberd, on Intercommunion with the Eastern Orthodox Church*. London.
- Grant Duff, M. (1866), *Studies in European Politics*. Edinburgh.

- Johnston, J. O. (1904), *Life and letters of Henry Parry Liddon*. Oxford.
- Gilpin, C. (red.) (1847), *Life of William Allen: with selections from his correspondence*. Philadelphia.
- Grellet, S. (1862), *Memoirs of the life and Gospel labours of Stephen Grellet*. London.
- Palmer, W. (1882), *Notes of a visit to the Russian Church in the years 1840, 1841*. London.
- Pincerton, R. (1833), *Russia: or, Miscellaneous observations on the past and present state of that country and its inhabitants*. London.
- Zhomini, A. G. (1882), *Diplomatic Study on the Crimean War*. London.
- Беляев, В. В. (2011), *Английский миссионер Роберт Пинкертон и его мемуарные заметки о Псковской губернии пушкинских времен (1818)*. Псков.
- Васильев, И. В., прот. (1865), *Отчет*. W: Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург; далее – РГИА. Ф. 832, ед. хр. 69 л. 167–208.
- Вильямс, Дж. (1845), *Письмо к А. Н. Муравьеву*. W: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Москва; далее – НИОР РГБ. Ф. 188, картон 4, ед. хр. 52, л. 10.
- Зернов, Н. М. (1938), *Английский богослов в России Императора Николая Первого (В. Пальмер и А.С. Хомяков)*. W: *Путь*. 57. 58–83.
- Кэрролл, Л. (2013), *Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник*. W: Демурова, Н.М. (ред.-сост.), Кэрролл, Л. *Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник; статьи и эссе о Льюисе Кэрролле*. Челябинск – Санкт-Петербург. 13–80.
- Леонид (Краснопевков), архиепископ (1908) *Из записок высокопреосвященного Леонида, епископа Ярославского*. W: *Московские церковные ведомости*. 44. 46.
- Муравьев, А. Н. (1850), *Письмо к В. Пальмеру*. W: НИОР РГБ. Ф. 188, картон 3, ед. хр. 30, л. 9–10. Москва.
- Неклюдов, В. С. (1858), *Записка в Азиатский департамент Министерства иностранных дел*. W: НИОР РГБ. Ф. 188, картон 11, ед. хр. 5, л. 95–95об.
- Попов, Е. И., прот. (1849), *Письмо к А.Н. Муравьеву*. W: НИОР РГБ. Ф. 188, картон 9, ед. хр. 22, л. 1–1об.
- Попов, Е. И., прот. (1863), *Письмо к князю С. Н. Урусову*. W: РГИА. Ф. 797, оп. 33, 3 стол, 2 отд., ед. хр. 247а., л. 7об.-8.
- Пыпин, А. Н. (2000), *Религиозные движения при Александре I*. Санкт-Петербург.
- Смирнова, И. Ю. (2013), *Поездка британского посла в Константинополе Стрэтфорда Каннинга на Афон (1850 г.) в документах Архива внешней политики Российской империи*. W: *Отечественные архивы*. 4. 53–60.
- Сухова, Н. Ю. (2010), *У. Палмер в России*. W: Яковлев, А. И. (отв. ред.), *Филаретовский альманах*. 6. 92–97. Москва.
- Тарле Е. В. (2003), *Крымская война*. Т. I. Москва.
- Филарет, митрополит Московский (1862), *О принятии в общение Православно-Кафолической Церкви члена протестантской Англо-Ирландской Церкви Ричардсона и о рукоположении его*. W: РГИА. Ф. 832, оп. 1, ед. хр. 69, л. 44об.